

МАЦУО БАСЁ

ВО ТЬМЕ

БЕЗЛУННОЙ

НОЧИ

Мацуо Басё

Во тьме безлунной ночи

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67821188

Мацуо Басё Во тьме безлунной ночи:
ISBN 978-5-17-148225-1

Аннотация

В этот сборник вошли работы Мацуо Басе разных лет, способные помочь читателю составить ясное и четкое представление о стилистике человека, фактически лично создавшего жанр, которому предстояло стать (и навеки остаться) своеобразным символом японской поэзии, – хайку.

Хайку, которое до него было чисто народным, комическим, сочно-грубоватым стихотворным жанром – и которое он превратил в сверкающе-отточенную, идеально четкую в техническом отношении поэтическую форму, в которой пейзажная и философская лирика сливаются в нечто единое – так, что картины природы становятся своеобразной иллюстрацией для философской мысли.

Поэзия Басе проста и в то же время сложна, полна тончайших ассоциаций, изящных образов и почти интуитивных для понимания намеков, гармонична и преисполнена чисто дзен-буддистской глубины мысли – словом, она

относится к величайшим литературным шедеврам человечества, неподвластным ходу времени.

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мацуо Басё

Во тьме безлунной ночи

Перевод с японского В. Марковой

© Перевод. В. Маркова, наследники, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Предисловие

В конце XVII столетия по дорогам Японии долгие годы странствовал человек уже не первой молодости и некрепкого здоровья, по виду похожий на нищего. Не раз, вероятно, слуги какого-нибудь знатного феодала сгоняли его с дороги, но ни один именитый князь того времени не удостоился той посмертной славы, которая выпала на долю этому неприметному путнику – великому японскому поэту Басё.

Многие художники с любовью рисовали образ странника-поэта, и сам Басё умел, как никто другой, взглянуть на себя острым глазом, со стороны.

Вот, опираясь на посох, идет он горной дорогой в осеннюю непогоду. Потрепанный халат из плотной, покрытой лаком бумаги, плащ из тростника, соломенные сандалии плохо защищают от холода и дождя. Но поэт еще находит в себе силы улыбнуться:

Холод пробрал в пути.

У птичьего пугала, что ли,

В долг попросить рукава?

В небольшой дорожной суме хранится самое насущное: две-три любимые книги стихов, тушечница, флейта. Голову прикрывает большая, как зонт, шляпа, плетенная из кипа-

рисовых стружек. Словно усики плюща, выются по ее полям узоры письмен: путевые записи, стихи.

Никакие дорожные трудности не могли остановить Басё: он трясся в седле зимою, когда самая тень его «леденела на спине у коня»; шел пешком с крутизны на крутизну в разгар летней жары; ночевал где придется – «на подушке из травы», в горном храме, на неприятном постоялом дворе... Случалось ему отдыхать на гребне горного перевала, «за дальней далью облаков». Жаворонки парили у него под ногами, а до конца пути оставалась еще «половина неба».

В его время были модными «эстетские прогулки» на лоне природы. Но никак нельзя сравнивать их со странствиями Басё. Дорожные впечатления служили строительным материалом для его творчества. Он не жалел трудов – и даже самой своей жизни, – чтобы добыть их. После каждого из его путешествий появлялся сборник стихов – новая веха в истории японской поэзии. Путевые дневники Басё в стихах и прозе принадлежат к самым замечательным памятникам японской литературы.

В 1644 году в замковом городе Уэно провинции Ига у небогатого самурая Мацуо Ёдзаэмона родился третий ребенок, сын, будущий великий поэт Басё.

Когда мальчик подрос, ему дали имя Мунэфуса взамен прежних детских прозвищ. Басё – литературный псевдоним, но он вытеснил из памяти потомков все прочие имена и прозвища поэта.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова – Хонсю. Многие места на родине Басё известны своей красотой, а народная память сохранила там в изобилии песни, легенды и старинные обычаи. Славилось и народное искусство провинции Ига, где умели делать чудесный фарфор. Поэт очень любил свою родину и нередко на склоне лет посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!

Где гнездо твоё старое?

Всюду сливы в цвету.

Так изобразил он то чувство, какое испытывает человек, увидев после долгого перерыва дом своего детства. Все, что раньше казалось привычным, вдруг чудесно преобразуется, как старое дерево весною. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже не замечаешь, – вот одна из самых значительных тем поэзии Басё.

Родные поэта были людьми образованными, что предполагало в первую очередь знание китайских классиков. И отец, и старший брат кормились тем, что преподавали каллиграфию. Такие мирные профессии стали в то время делом многих самураев.

Кончились средневековые распри и междоусобицы, когда воин мог прославить себя ратным подвигом и завоевать мечом высокое положение. Поля великих битв поросли травой.

В начале XVII столетия одному из феодалов удалось взять

верх над другими и установить в стране сильную центральную власть. В течение двух с половиной столетий потомки его – князья из рода Токугава – правили Японией (1603–1867). Резиденцией верховного правителя был город Эдо (ныне Токио). Однако столицей по-прежнему назывался город Киото, где жил лишенный всякой власти император. При его дворе звучала старинная музыка, на поэтических турнирах слагались стихи классической формы (танка).

«Замирание страны» способствовало росту городов, развитию торговли, ремесел и искусства. В основе официально принятого в стране уклада все еще лежало натуральное хозяйство, но в конце XVII века большую силу обретают деньги. И эта новая сила властно вторглась в человеческие судьбы.

В руках менял, оптовых торговцев, ростовщиков, виноделов сосредоточились огромные богатства, в то время как в тесных улочках предместья царила неопишуемая нищета. Но, несмотря на трудности городской жизни, несмотря на бедность и скученность, все же притягательная сила города была очень велика.

В годы Гэнроку (1688–1703) городская культура достигла пышного расцвета. Простые предметы быта становились в руках умельцев замечательными произведениями искусства. Резные брелоки, нэцкэ, ширмы, веера, шкатулки, гарды мечей, цветные гравюры и многое другое, созданное в ту эпоху, служит теперь украшением музеев. Недорогие книги с пре-

восходными иллюстрациями, печатавшиеся ксилографическим способом с резных деревянных досок, выходили большими для того времени тиражами. Купцы, подмастерья, сидельцы в лавках полюбили романы, модные стихи и театр.

В японской литературе появилось созвездие ярких талантов: кроме Басё, в него входили романист Ихара Сайкаку (1642–1693) и драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653–1724). Все они, столь непохожие друг на друга – глубокий и мудрый Басё, ироничный, земной Сайкаку и Тикамацу Мондзаэмон, достигавший в своих пьесах высокого накала страстей, – имеют между собой нечто общее: их роднит эпоха. Горожане любили жизнь. От искусства они требовали достоверности, точных жизненных наблюдений. Сама его исторически возникшая условность все более пронизывается реализмом.

Басё было двадцать восемь лет, когда в 1672 году, вопреки уговорам и предостережениям родных, он оставил службу в доме местного феодала и, полный честолюбивых надежд, отправился в Эдо с томиком своих стихов.

К тому времени Басё уже получил некоторую известность как поэт. Стихи его публиковались в столичных сборниках, его приглашали участвовать в поэтических турнирах...

Покидая родину, он прикрепил к воротам дома, где жил его друг, листок со стихами:

Облачная гряда

Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

Весной один дикий гусь улетает к северу, где ждет его новая жизнь; другой, опечаленный, остается на старом месте. Стихотворение дышит юношеским романтизмом, сквозь грусть разлуки чувствуется радость полета в неведомую даль.

В Эдо поэт примкнул к последователям школы Данрин. Они брали материал для своего творчества из жизни горожан и, расширяя поэтический словарь, не чуждались так называемых прозаизмов. Эта школа была новаторской для своего времени. Стихи, написанные в стиле Данрин, звучали свежо и свободно, но чаще всего они были только жанровыми картинками. Почувствовав идейную ограниченность и тематическую узость современной ему японской поэзии, Басё в начале восьмидесятых годов обратился к классической китайской поэзии VIII–XII веков. В ней нашел он широкую концепцию мироздания и того места, которое занимает в нем человек как творец и мыслитель, зрелую гражданскую мысль, подлинную силу чувства, понимание высокой миссии поэта. Больше всего Басё любил стихи великого Ду Фу. Можно говорить об их прямом влиянии на творчество Басё.

Внимательно изучал он и насыщенную поэтическими образами философию секты Дзэн, идеи которой оказали боль-

шое влияние на японское средневековое искусство.

Жизнь Басё в Эдо сложилась трудно. С помощью какого-то доброхота он устроился на государственную службу по ведомству строительства водных путей, но вскоре оставил эту должность. Он стал учителем поэзии, однако его молодые ученики были богаты только талантом. Лишь один из них, Сампу, сын состоятельного рыбника, нашел средство по-настоящему помочь поэту: он уговорил своего отца подарить Басё маленькую хижину-сторожку возле небольшого пруда, который одно время служил рыбным садком. Басё написал по этому поводу: «Девять лет я вел бедственную жизнь в городе и наконец переехал в предместье Фукагава. Мудро сказал в старину один человек: “Столица Чанъань – издревле средоточие славы и богатства, но трудно в ней прожить тому, у кого нет денег”. Я тоже так думаю, ибо я нищий»¹.

В стихах, созданных в начале восьмидесятых годов, Басё любил рисовать свою убогую Банановую хижину (Басё-ан), названную им так потому, что он посадил возле нее саженцы банановой пальмы. Детально изобразил он и весь окрестный пейзаж: топкий, поросший тростником берег реки Сумида, чайные кусты, маленький заглохший пруд. Хижина стояла на окраине города, весной только крики лягушек нарушали тишину. Поэт принял новый литературный псевдоним «Живущий в Банановой хижине» и наконец начал подписывать

---

¹ Басё имеет в виду слова великого китайского поэта Бо Цзюйи (772–846); Чанъань – столица Танского государства в Китае (VII–IX вв.).

свои стихи просто Басё (Банановое дерево).

Даже воду зимой приходилось покупать. «Горька вода из мерзлого кувшина», – писал он. Басё остро ощущал себя городским бедняком. Но вместо того чтобы скрывать свою нищету, как другие, он говорил о ней с гордостью. Нищета стала как бы символом его духовной независимости.

В среде горожан был силен дух стяжания, мещанского скопидомства, скряжничества, но купцы не прочь были оказать покровительство тем, кто умел их забавлять. Люди искусства сплошь да рядом состояли приживалами при купцах-толстосумах. Находились такие стихотворцы, которые слагали в один день сотни и тысячи строф и этим создавали себе легкую славу. Не в этом видел назначение поэта Басё. Он рисует в своих стихах идеальный образ свободного поэта-философа, чуткого к красоте и равнодушного к жизненным благам... Если тыква-горлянка, служившая в хижине Басё кувшином для рисового зерна, опустела до дна – ну что же: он вставит в горлышко ее цветок!

Но, равнодушный к тому, что больше всего ценили другие, Басё с величайшей требовательностью и заботой относился к своему творчеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.